

УДК 94(470) «1941/1945»

Сибиряков И.В.

Героическая оборона советского Севастополя: некоторые особенности официального дискурса в условиях войны

В докладе проанализированы материалы двух сборников документов, посвященных обороне Севастополя в 1941–1942 гг., изданных в СССР в ходе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. С помощью дискурс-анализа, сравнительно-исторического и ретроспективного методов выявлены основные образы, которые использовались в рамках официального дискурса в условиях войны. К числу системообразующих для официального дискурса образов отнесены: образ И.В. Сталина, образ мужественных защитников города, самостоятельный образ Севастополя, выступающего в качестве примера для других городов страны. Особое внимание в статье уделено проблеме трансформации официального дискурса, которая произошла в рамках исследуемого периода, выявлены некоторые факторы, которые могут объяснить механизм этой трансформации и ее основные направления. Автору удалось доказать, что совершенно особую роль в официальном дискурсе «героической обороны советского Севастополя» играла историческая составляющая, которая проявилась в первую очередь через сопоставление военных действий в Севастополе в 1854–1855 и 1941–1942 гг.

Ключевые слова: дискурс, героическая оборона, культурно-историческая память, Севастополь.

Сибиряков Игорь Вячеславович,
Россия, Южно-Уральский государственный университет, профессор

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-01-00219

УДК 94(470) «1941/1945»

Sibiryakov I.V.

The heroic defense of the soviet Sevastopol: some features of the official discourse in war

The report analyzes the materials of two collections of documents on the defense of Sevastopol in 1941–1942., Published in the USSR during World War II and the early postwar years. Using discourse analysis, comparative historical and retrospective methods identified key images that were used as part of the official discourse in war. Among the backbone for the official discourse of images include: the image of Joseph Stalin, the image of the brave defenders of the city, independent way of Sevastopol, acting as an example to other cities. Special attention is paid to the problem of transformation of official discourse that has occurred within the study period, we identified some factors that may explain the mechanism of this transformation and its basic directions. The author managed to prove that a very special role in the official discourse of "the heroic defense of Sevastopol Soviet" played a historical component, which is manifested primarily through the comparison of military operations in Sevastopol in 1854–1855 and in 1941–1942.

Keywords: discourse, heroic defense, cultural and historical memory, Sevastopol.

Sibiryakov Ищк.Viacheslavovich,
South Ural State University, profes-
sor? e-mail: sibirjkovig@mail.ru

At support of the RFH, the scientific project №15-01-00219

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Проблемы анализа официального дискурса в условиях войны в начале XXI в. неожиданно для многих обрели в России особую актуальность. Политологи, социологи, культурологи, специалисты в области других гуманитарных наук вынуждены признать, что «старые» = «новые» «военные»

устойчивые языковые конструкции входят в социальную ткань повседневной жизни российского общества «всерьез и надолго». Они уже не только отражают очень важные изменения, которые происходят во внутренней и внешней политики российского государства, в общественном сознании и психологии, но и во многом формируют траектории этих изменений.

В XX в. Россия неоднократно участвовала в различных военных конфликтах. Дискурсивные практики, которые формировались в годы войны, уже были предметом лингвистических, культурологических, исторических исследований [1]. Тем не менее, специфика официального дискурса в условиях войны по-прежнему остается недостаточно изученной профессиональными историками проблемой.

Ее дальнейшее исследование способно углубить научные представления о механизме формирования и роли такого дискурса, особенностях его восприятия в различных группах населения и направлениях эволюции. Решение этих задач в свою очередь позволит лучше анализировать многие конкретно-исторические процессы и явления, связанные с политиче-

ской, интеллектуальной, культурной историей страны XX в.

Выбор в качестве предмета исследования сюжетов, связанных с героической обороной Севастополя в 1941–1942 гг. объясняется целым комплексом факторов. Во-первых, оборона Севастополя стала очень важной военной кампанией, повлиявшей на ход боевых действий не только на юге страны и не только в 1941 г. Масштабы этого сражения позволяют поставить его в ряд крупнейших сражений Великой Отечественной войны. Именно такие сражения оказывали наиболее существенное воздействие на процессы восприятия войны широкими слоями населения, на формирование культурной памяти о войне. Во-вторых, события, происходившие в Севастополе в 1941–1942 гг. неоднократно привлекали внимание со стороны высшего политического руководства страны, которое давало оценки этих событий, формируя ключевые элементы официального дискурса и наиболее значимые линии восприятия таких событий в общественном сознании. В-третьих, оборона Севастополя стала важным элементом не только военно-политического, но и идеологического, духовного противостояния Советского Союза и Германии, жестокость которого позволила выявить некоторые дискурсивные практики, носившие прежде латентный скрытый характер. В-четвертых, в ходе первого этапа Великой Отечественной войны многие дискурсивные практики проявлялись наиболее ярко, как

в силу кризисного характера развития ситуации, так и в силу неустойчивости нового официального дискурса.

Главными источниками для изучения особенностей официального дискурса в период обороны Севастополя стали два сборника документов и материалов, изданных соответственно в 1942 и в 1946 годах. Первый сборник получил название «Героический Севастополь» и включал в себя материалы, напечатанные в центральных и региональных газетах, в 1941–1942гг. [2]. Второй сборник назывался «Героическая оборона Севастополя» и представлял собой собрание документов и материалов, составленное Крымской комиссией по истории Великой Отечественной войны [3].

Среди основных материалов сборников можно выделить 7 главных типов представленных документов. Это: высказывания И.В.Сталина, сводки советского информационного бюро, статьи некоторых руководителей обороны Севастополя, материалы, подготовленные главным политуправлением РК ВМФ, публикации корреспондентов газет «Правда», «Красный Флот», «Красный Крым» и др., рассказы профессиональных советских литераторов и непосредственных участников обороны. Каждый из этих документов играл свою роль в формировании официального дискурса, они находились между собой в особых, не всегда очевидных взаимоотношениях, оказывали друг на друга прямое или опосредованное воздействие.

Первые бомбардировки Севастополя начались уже 22 июня 1941г. Осенью 1941г. боевые действия проходили в непосредственной близости от города. Важную роль в организации обороны Севастополя сыграл городской комитет обороны. 30 октября 1941г. комитет выпустил специальное обращение, в тексте которого появились некоторые сюжеты и устойчивые языковые конструкции, ставшие ключевыми элементами нового официального дискурса. «За нашу родную землю, за нашу республику, наш любимый город, мы будем драться так же, как сражались славные патриоты, герои исторической Севастопольской обороны, драться упорно и ожесточенно до последней капли крови», – говорилось в обращении. Его авторы, безусловно, пытались продемонстрировать историческую взаимосвязь первой и второй обороны Севастополя, настроить жителей города на ожесточенное и длительное противостояние, в котором им предстояло защитить «родную землю» и «любимый город». В текст обращения была включена цитата из выступления И.В. Сталина 3 июля 1941г., где утверждалась необходимость того, что бы в наших рядах «не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, что бы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей». Примечательно, что обращение заканчивалось призывом городского комитета

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

обороны «еще теснее сплотиться вокруг большевистской партии, вокруг своего любимого вождя и учителя товарища Сталина!» В обращении выражалась уверенность в том, что под знаменем «ленинско-сталинской партии, под руководством великого Сталина мы отстоим нашу родину, наш родной Крым, наш любимый город от немецко-фашистских захватчиков» [3, с. 12–13].

3 ноября 1941г. в газете «Красный Крым» было опубликовано обращение военного совета Черноморского флота, подписанное командующим Черноморским флотом, вице-адмиралом Ф.С.Октябрьским и рядом других членов военного совета. Обращение открывалось признанием того факта, что «Врагу удалось прорваться в Крым. Озверелая фашистская свора гитлеровских бандитов, напрягая все свои силы, стремится захватить с суши наш родной Севастополь – главную базу Черноморского флота». В качестве основной задачи для черноморцев авторы обращения называли сплочение своих рядов «для разгрома врага на подступах к Севастополю!» В обращении был включен призыв: «Не допустим врага к родному городу!» В обращении были названы фамилии моряков, летчиков, разведчиков, прославившихся в ходе боевых действий. Авторы обращения подчеркивали, что «их подвиги зовут нас на новые победы, на новые героические дела во славу Родины» [3, с. 13–14].

Как показывают материалы сборника «Героический Севастополь» на страницах газет, издававшихся тогда в Москве и в Крыму, было приведено много примеров реального героизма и мужества, проявленных защитниками Севастополя в первые месяцы обороны. О таких подвигах писали ст.политрук М. Когут, интендант третьего ранга Л.В.Соловьев, фронтовой кинооператор В.В. Микоша и др. Публикации этих авторов отличались ярким образным языком, особым эмоциональным настроением. Например, В.В. Микоша в статье «Севастопольцы» писал: «Разве могут понять тупые пьяные фашистские скоты психологию бойца-защитника Севастополя, героически жертвующего собственной жизнью во славу Родины? Разве могут они понять краснофлотца, опоясанного минными коробками и бросающегося под тяжелый танк, чтобы, взрывая себя, уничтожить прорвавшуюся к городу вражескую машину? Нет! Подобных подвигов не знал мир, таких сынов не знала ни одна страна» [2, с. 33].

Речь официальных руководителей обороны Севастополя была в этот период более сдержанной и рациональной. Так 30 апреля 1942 г. один из руководителей обороны Севастополя генерал-майор И.Е.Петров в статье «Шесть месяцев обороны Севастополя» так объяснял успех этой обороны: «Она строится на удачном сочетании сухопутной обороны с береговой, на тесном взаимодействии наземных войск с полевой, бе-

реговой и корабельной артиллерией, с авиацией Черноморского флота. В своих боевых действиях наши части опираются на существовавшие раньше и возникшие в ходе войны различные инженерные сооружения. Сумма усилий всех родов войск и делает оборону города неприступной!»

Но постепенно ситуация на линии фронта стала меняться. Гитлеровские войска подходили все ближе к городу, и возможность его потери стала очевидной уже для многих. Постепенно стал меняться и официальный дискурс. В материале «Героический Севастополь», подготовленном главным управлением РК ВМФ, после 8 месяцев обороны Севастополя говорилось: «Черноморцы воздвигли железную нерушимую стену, о которую разбился первый натиск врага Последующие отчаянные попытки немецких фашистов и их румынских прихвостней сломить защитников Севастополя так же оканчиваются позорным провалом». Показательно, что среди главных причин этого успеха фигурировали: исторические традиции («короткая память у немецких наглецов, забыли они о том, что наши войны – это потомки матросов Нахимова, правнуки Суворова и Кутузова, и в обороне они знают лишь одно правило: «Стоять на смерть...») и беззаветная преданность «непобедимому делу Ленина-Сталина», (которая с точки зрения авторов материала воодушевляла «людей на легендарные подвиги»). Авторы данного

текста подчеркивали и особое значение обороны Севастополя для судьбы страны в целом. «Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером для всей Красной Армии, для всего советского народа» [2, с. 3].

Автор текста «Славная черноморская крепость» вице-адмирал Ф.С.Октябрьский, отвечая на вопрос о роли севастопольской обороны в истории войны, подчеркивал, что немцы «не могли, оставляя у себя в тылу такую сильную морскую базу, как Севастополь, уверенно организовывать бросок с Керчи на Тамань», не могли рассчитывать на возможность «значительных операций на Черном море». Однако обращает на себя внимание ироничный тон некоторых сюжетов данной публикации, которая увидела свет в апреле 1942 г. Как писал вице-адмирал Ф.С. Октябрьский: «Конечно, можно потопить Черноморский флот пером какого-нибудь геббельсовского дурачка, но, как известно, наши корабли по-прежнему надежно охраняют наши черноморские границы» [2, с. 7].

Следует подчеркнуть, что многие материалы лета 1942 г., посвященные обороне Севастополя, то же имели очень важную историческую составляющую. Так И.Е. Петров в своей статье «Севастополь сражается» писал: «86 лет назад каждый месяц обороны Севастополя был приравнен к году. Теперь к году должен быть приравнен каждый день. Сила и густота огня, который обрушивает на город неприятель, превосходит

все, что знала до сих пор военная история Города почти нет. ...Он разрушен. Но есть другой, главный Севастополь, ... город адмирала Нахимова и матроса Кошки, хирурга Пирогова и матроской дочери Даши. Сейчас это город моряков и красноармейцев, из которых просто невозможно кого-нибудь выделить, поскольку все они герои...» [2, с.63]. Появление образа «другого», «главного» Севастополя в статье И.Е. Петрова представляется нам очень важным показателем того, что в официальном дискурсе появились конструкции, призванные в дальнейшем объяснить возможную утрату города.

Об особой роли именно простых защитников Севастополя писал в своем материале «Севастополь в эти дни» Б.Войтехов. «Конечно, надо знать имена и фамилии всех людей, которые через несколько часов или минут после сварки снова дают городу свет, пищу и связь и т.д. Пока же именами и фамилиями этих людей служат их дела...» [2, с. 67].

Еще более ярко исторические параллели и взаимосвязи двух военных компаний показал в своем материале «На Малаховом кургане» старший политрук М.Когут. Он писал: «... Здесь погиб славный организатор севастопольской обороны вице-адмирал ... Корнилов. Бойцы остановились у памятника герою. Перед ними встал образ Корнилова, патриота своей родины, который умирая, приказал: «Отстаивайте Севастополь!» Как живые, встают забывае-

мые образы героев Севастопольской обороны. И хотя краснофлотцы молчали, но лица их выражали уверенность и твердость. «Мы отстоим Севастополь», - сказал один из краснофлотцев. – «Не бывать фашистам в нашем Севастополе», – подтвердил лейтенант Матюхин» [2, с. 69].

Наиболее совершенным с литературной точки зрения из материалов, включенных в сборник «Героический Севастополь», на наш взгляд, был очерк И.Эренбурга «Севастополь». Именно в нем наиболее ярко с художественной точки зрения была выражена основная мысль сборника, которая интегрировала почти все его материалы в некую общую единую идеологически-духовную конструкцию. «Севастополь – не просто город. Севастополь – это слава России и это гордость Советского Союза». Не отвергая рациональные военные аргументы, объясняющие «Севастопольское чудо» И. Эренбург обращал особое внимание на отвагу советских воинов. Он писал: «есть одно объяснение чуду под Севастополем» – это мужество.

В тексте И. Эренбурга оборот «чудо» использовался неоднократно, порой в очень показательном контексте. «Чудом уцелевший памятник Ленина смотрит на пожарище, - писал И. Эренбург. – Статуя выстояла, как душа нашей Родины».

Вместе с тем И. Эренбург уже понимал, что соотношение военных сил было не в пользу защитников города. Не случайно в его рассказе прозвучала

парадоксальная на первый взгляд мысль: «Чем бы ни кончилась неравная борьба за развалины города, – это победа советского оружия».

И. Эренбург. Затронул тему взаимосвязи событий, происходивших в Севастополе, и боевых действий на других фронтах войны. «Героизм севастопольцев придает силы Красной Армии, – писал И. Эренбург, – которая теперь на полях Центральной России и Украины отбивает атаки ненавистного врага. «Будем драться как севастопольцы», – говорят бойцы на Харьковском и Курском направлениях». «Будем драться, как севастопольцы», – скажут завтра солдаты второго фронта», – считал И. Эренбург [2, с. 87].

Обращает на себя внимание и то, какими словами авторы материалов, помещенных в сборниках, описывали противника, рвущегося к городу. «Умалишенные немцы», «гитлеровские авантюристы», «полчища немецко-румынских захватчиков» – это далеко не полный перечень тех дискурсивных конструкций, которые использовались для создания образа врага.

В обращении «К героическим защитникам Севастополя», которое 9 июня 1942 г. подписали: военный совет Черноморского Флота, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский и член военного совета Черноморского флота, дивизионный командир Н.М. Кулаков было сказано: «Тупоголовое гитлеровское зверье хочет деморализо-

вать нас бессмысленным, методическим разрушением нашего города-героя и убийством наших детей, жен и стариков». Авторы обращения были вынуждены признать, что врагу удалось потеснить советские войска «на ограниченном участке фронта». Но тут же подчеркивали, что «у нас есть все необходимое для разгрома третьего натиска фашистских полчищ, достаточно сил и техники, чтобы заставить врага захлебнуться в его собственной поганой крови и в этом наступлении». Объясняя природу мужества и героизма защитников Севастополя, авторы обращения писали: «Севастопольцы не знают страха перед врагом, потому что они борются за честь своей родины, за право свободно жить на своей земле, за освобождение от фашистского рабства своих отцов, матерей, своих жен и детей». Обращаясь к героям Севастополя, авторы обращения подчеркивали важность происходящих в Севастополе событий для всей страны, для всего мира. «За нашей борьбой следит Родина, следит весь мир.... Ни шагу назад! Не пропустим врага к городу! Не опозорим славы защитников Севастополя». Показательно, что обращение заканчивалось словами: «Да здравствует наша Родина! Да здравствует наш родной товарищ Сталин!» [2, с. 88–89].

Через несколько дней И.В. Сталин сам обратился к защитникам Севастополя. Он, в частности, писал: «Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя – красноармей-

цев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли и наносящих удары немецким захватчикам и их румынским прихвостням. Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа. Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной» [3, с. 6–7].

Телеграмма И.В. Сталина стала одним из последних документов, посвященных героической обороне Севастополя, получивших широкое распространение в стране летом 1942 г., и отразивших некоторые важные особенности официального дискурса. Формально обращенная к вице-адмиралу Октябрьскому и генерал-майору Петрову, реально она, безусловно, имела гораздо более широкий круг адресатов. К лету 1942 г. сформировалась уже определенная традиция создания такого рода текстов, которую данное обращение не нарушило. Если проанализировать этот сталинский текст сегодня с учетом дальнейших событий, произошедших в стране и в мире, то, на наш взгляд, есть возможность увидеть несколько значимых, для понимания официального дискурса эпохи войны, сюжетов. Во-первых, в тексте обращения нет прямого упоминания о коммунистах, которые бы могли сыграть особую роль в организации обороны Севастополя. Комиссары, упомянуты в обращении лишь после крас-

ноармейцев, краснофлотцев и командиров, что может свидетельствовать о снижении статуса этого института в условиях ожесточенных боев лета 1942 г. Во-вторых, упоминание о «румынских прихвостнях», по нашему мнению, совершенно не случайно. Такого рода конструкция позволяла объяснить существенное преимущество врага в живой силе, которое особенно ярко проявилось под Севастополем летом 1942 г. В-третьих, И.В. Сталин подчеркивал, что помимо военных задач под Севастополем решаются и задачи политические, воспитательные, которые имеют не меньшее, а при определенных обстоятельствах и большее значение. Именно поэтому севастопольцы – это «пример героизма для всей Красной Армии и советского народа». В-четвертых, завершая свое обращение к защитникам Севастополя выражением уверенности, что они выполнят «свой долг перед Родиной» И.В. Сталин не конкретизировал, в чем этот долг реально должен был состоять в июне 1942 г. В обращении нет ответа на вопрос: должны ли защитники города стоять до последнего солдата и матроса или они должны нанести врагу максимальный урон и покинуть осажденный Севастополь? Очевидно, что такая конструкция текста была избрана не случайно. Наполнение категории «долг перед Родиной» реальным практическим содержанием должно было произойти в ходе боевых действий, любой исход которых мог быть соответствующим.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

щим образом трансформирован в ту или иную формулу практической реализации этого долга. Именно неопределенность официального политического дискурса является главным условием его политической эффективности. Возможность в дальнейшем выгодно для себя интерпретировать собственные высказывания, сделанные в очень трудной запутанной социально-политической или военной обстановке, является обязательным компонентом политических и социальных практик великих государственных деятелей. Так как, в СССР именно взгляды, оценки и суждения, публично высказанные И.В. Сталиным, приобретали характер идеологическо-пропагандистской матрицы, то следует признать, что в основу официального дискурса героической обороны Севастополя в 1941–1942 гг., который просуществовал еще много лет, легло именно его обращение, высказанные в нем идеи и легитимизированные образы наши свое отражение и в неофициальном дискурсе, одним из проявлений которого стали музыкальные произведения, посвященные «севастопольской теме», и, созданные в годы Великой Отечественной войны [5].

Последним материалом, посвященным обороне Севастополя, и размещенным в сборнике «Героический Севастополь» стал материал «250 дней героической обороны Севастополя». Он представлял собой сообщение Совинформбюро и имел подзаголо-

вок «Наши войска оставили Севастополь».

Сообщение открывалось очень важной констатацией: «По приказу Верховного командования Красной Армии 3 июля советские войска оставили город Севастополь. В течение 250 дней героический советский город отбивал бесчисленные атаки немецких войск.... Основная задача защитников Севастополя сводилась к тому, чтобы как можно больше уничтожить живой силы и техники противника За все 8 месяцев обороны Севастополя враг потерял до 300 000 своих солдат убитыми и ранеными. В боях за Севастополь немецкие войска понесли огромные потери, приобрели же – руины» [2, с. 1].

Итоговый характер сообщения заставляет обратить особое внимание на три важных момента. Во-первых, текст сообщения выстроен таким образом, чтобы у слушателя и читателя возникло четкое понимание того, что главная задача обороны Севастополя сводилась к максимальному уничтожению «живой силы и техники врага» и была успешно выполнена. Во-вторых, текст сообщения лишен эмоционального драматизма в оценке произошедшего и более того позволяет читателю или слушателю, воспринимать утрату Севастополя, как утрату уже ничего не значивших с военной точки зрения «руин». И, наконец, в-третьих, для читателя или слушателя совершенно не очевидно, кто из представителей политической и военной элиты страны принимал решение об от-

ступлении от Севастополя. Формулировка «приказ Верховного командования» носит подчеркнуто деперсонифицированный характер.

Неизбежным в условиях военного времени являлся сюжет о судьбе тех, кто защищал Севастополь. В рамках сообщения Совинформбюро он был решен фактически одним предложением. «Бойцы, командиры и раненные из Севастополя эвакуированы». Из текста сообщения остались непонятны ни масштаб эвакуации, ни степень успешности данной операции.

Возвращаясь к ключевому вопросу о военно-политическом значении обороны Севастополя, авторы сообщения обратили внимание на еще один аспект этой проблемы. «Сковывая большое количество немецко-румынских войск, защитники города спутали и расстроили планы немецкого командования. Железная стойкость севастопольцев явилась одной из важнейших причин, сорвавших пресловутое «весеннее наступление» немцев». Выявление и подчеркивание взаимосвязи между событиями, происходившими на разных фронтах Великой Отечественной войны, позволяло создать у читателя или слушателя ощущение единства страны, отражающей нападения врага и было важнейшим элементом нового официального дискурса, который формировался в условиях войны. Следует отметить еще одну особенность этого дискурса, которая проявилась именно в данном тексте сообщения Со-

винформбюро. Среди главных организаторов героической обороны Севастополя авторы сообщения назвали лишь высокопоставленных военных: вице-адмирала Ф.С. Октябрьского, 6 генерал-майоров, одного полковника и двух комиссаров. Офицеры более низких воинских званий в сообщении упомянуты не были. В официальном дискурсе этого времени доминировали высшие военнo-начальники и политические руководители.

Первичный анализ различных исторических документов и материалов, опубликованных в сборниках «Героический Севастополь» и «Героическая оборона Севастополя», позволяет нам сделать ряд выводов о некоторых особенностях официального дискурса, проявившихся в ходе боевых действий в Севастополе в 1941–1942 гг.

Во-первых, официальный дискурс эпохи героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. имел сложную внутреннюю конструкцию, он формировался через различные каналы и институты, главными из которых были: выступления И.В. Сталина, обращения военного совета Черноморского флота и городского комитета обороны, публикации в газетах.

Во-вторых, если на первом этапе обороны Севастополя официальной базовой установкой, получившей наиболее полное воплощение в выступлениях различных военнo-начальников, журналистов, в материалах партийных и государственных органов была установка на за-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

щиту города от врага, то по мере того, как менялся характер боевых действий, менялось и восприятие главной цели севастопольской обороны. Решающим для формирования новой официальной дискурсионной практики стало обращение И.В. Сталина и одно из сообщений Совинформбюро. В этих текстах, как и в ряде других, более поздних официальных документов главной задачей обороны Севастополя ставилось уничтожение живой силы и техники противника. Масштабы потерь, понесенных войсками гитлеровской Германии под Севастополем, позволяли считать эту задачу выполненной. И.В. Сталин, который, по словам А. Юрчака выполнял «роль господствующей фигуры советского идеологического дискурса» позволил в этой ситуации минимизировать хорошо известный политологам «парадокс Лефора» и хотя бы временно преодолеть разрыв между практическими приложениями государственной идеологии и ее дискурсом [4].

Во-третьих, в официальном дискурсе «героической оборо-

ны Севастополя» особое место занимали три элемента: образ И.В. Сталина, образ мужественных защитников города, самостоятельный образ Севастополя, выступающего в качестве примера для других городов страны. В целом арсенал тропов, использованных в этом случае в официальном дискурсе, был традиционным для советского дискурса: эпитеты, метафоры, гиперболы и др.

В-четвертых, свое особое место для формирования официального дискурса «героической обороны Севастополя» занимал образ врага.

В-пятых, в официальном дискурсе «героической обороны советского Севастополя» огромную роль играла историческая составляющая. Именно связь между трагическими событиями XIX в. и героическими событиями XX в., которая осуществлялась через сопоставление масштабов военных действий, подвигов участников обороны, биографий героев создавала основную системообразующую конструкцию официального дискурса.

Библиографический список

1. Аксенов, В.Б. Первая мировая война в крестьянском мифологическом дискурсе 1914–1916 гг. / В.Б. Аксенов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.inion.ru/index.php?page_id=531 (дата обращения 10 октября 2015 г.); Ворожбитова, А.А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация / А.А. Ворожбитова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/vorozhbitova-00.htm> (дата обращения 10 октября 2015 г.); Оболонкова, М.А. Дискурс войны и человек мира / М.А. Оболонкова [Электронный ресурс]. – URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/diskurs-voiny-i-cheloviek-mira> (дата обращения 10 октября 2015 г.); Хачецукова З.К. Лингвориторические параметры советского официального дискур-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

са периода Великой Отечественной войны: на материале передовых статей газеты «Правда». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Сочи, 2007. – 213 с.

2. Героический Севастополь. Сборник материалов, напечатанных в центральных газетах. – М., 1942. – 96 с.

3. Героическая оборона Севастополя. 1941–1942 гг. Сборник документов и материалов под ред. П.А. Чурсина. – Крымиздат, 1946. – 292 с.

4. Львовский, С. Бывшее навсегда / С. Львовский [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/6026> (дата обращения 10 октября 2015 г.).

5. Сибиряков, И.В. Образы Севастополя в музыкальных произведениях советских авторов / И.В. Сибиряков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – с. 25–26.

References

1. Aksenov V.B. Pervaja mirovaja vojna v krest'janskom mifologicheskom diskurse 1914–1916 gg., V.B. Aksenov [Elektronnyj resurs], URL http://shhshhshh.inion.ru/indeh.php?page_id=531 (data obrashhenija 10 oktjabrja 2015 g.); Vorozhbitova A.A. «Oficial'nyj sovetskij jazyk» perioda Velikoj Otechestvennoj vojny: lingvoritoricheskaja interpretacija, [Elektronnyj resurs], URL <http://shhshhshh.philology.ru/linguistics2/vorozhbitova-00.htm> (data obrashhenija 10 oktjabrja 2015g.); Obolonkova M.A. Diskurs vojny i chelovek mira, M.A. Obolonkova [Elektronnyj resurs], URL <http://histrf.ru/ru/biblioteka/pamjatniki-gerojam-pervoy-mirovoy/100-let/diskurs-voyny-i-cheloviek-mira> (data obrashhenija 10 oktjabrja 2015 g.); Hachecukova, Z.K. Lingvoritoricheskie parametry sovetskogo oficial'nogo diskursa perioda Velikoj Otechestvennoj vojny: na materiale peredovyh statej gazety «Pravda». Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk, Sochi, 2007, 213 p.

2. Geroicheskij Sevastopol'. Sbornik materialov, napechatannyh v central'nyh gazetah, M., 1942, 96 p.

3. Geroicheskaja oborona Sevastopolja. 1941–1942 gg. Sbornik dokumentov i materialov pod red. P.A.Chursina, Krymizdat, 1946, 292 p.

4. L'vovskij S. Byvshee navsegda, [Elektronnyj resurs], URL <http://shhshhshh.colta.ru/articles/literature/6026> (data obrashhenija 10 oktjabrja 2015 g.).

5. Sibirjakov I.V. Obrazy Sevastopolja v muzykal'nyh proizvedenijah sovetskikh avtorov, Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Social'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2015, № 3, p. 25–26.